

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Под общей редакцией
П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

№ 1

1929

О НЕОЛОГИЗМАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ.

(Заметки на полях).

Р. Ш о р.

Недавно на страницах одного из наших научных журналов¹⁾ было брошено следующее характерное утверждение:

«Можно... определять язык среднего обывателя 1913 года и, с другой стороны, язык современного комсомольца — не как 2 разных диалекта, а как 2 разных языка в том именно понимании терминов «диалект» и «язык», которое употребительно в лингвистике и основано на критерии взаимной понимаемости (диалекты) и непонимаемости (языки)».

¹⁾ «Литература и марксизм». IV. Проф. Е. Поливанов. «Русский язык сегодняшнего дня».

Не менее характерна и аргументация в пользу этого утверждения:

«...если мы возьмем, например, те страницы из «Комсомольских рассказов» Колозова, которые цитирует в своей книге Селищев в качестве образца речи комсомольцев (допустим, что в данном случае автором дана приблизительно верная картина языковых факторов), и попробуем прочесть их вслух обывателю, «проспавшему» революционную эпоху и сохранившему языковое мышление 1913 года, то, разумеется, для него будут словами чужого языка такие идиомы, как: *в ячейку; шагай сюда; плешь* (со специфическим значением, конечно); *работу ставить; фабзавуч; я солидарен; не такой инстанции; бувы не было; буву загирал; комсомольское слово; вести собрание; кого выставляешь; к стадии подходящий; заслушать доклад фабкома; кампании (вм. кампаний) много; как будет насчет высказаться; от имени бюро ячейки РКСМ; трепачей не потерпит; хватит наглости просить слова; кандидатура согласована с ячейкой партии; но раб он под такой шпаной ходит; для бливиру...*».

Подчеркивая наличие здесь непонятных «для до-военной психики» элементов, автор восклицает: «Да, это уже другой язык!».

Рассуждение это очень типично для практикующихся до сих пор методов собирания и изучения неологизмов революционного языка. А именно: на фоне некоторого единого целого — «русского литературного языка» или «общерусского языка рядовой до-военной интеллигенции» исследователь выделяет те элементы современной языковой деятельности, которые он квалифицирует как языковые новшества.

Между тем, методологически неопределенными остаются все те понятия, которыми он оперирует в этом анализе.

Прежде всего — что надлежит понимать под «языковым новшеством»? В приведенных проф. Поливановым приемах добрая половина — неологизмы одного и того же типа: «в ячейку», «фабзаяц», «фабзавуч», «комсомольское слово», «доклад фабкома», «бюро ячейки РКСМ», «кандидатура согласована с ячейкой партии» и т. д., и т. д.

Спора нет, слова эти были бы непонятными для «обывателя, заснувшего в 1913 г. и проснувшегося в 1928 г.», для «рядового интеллигента до-военного времени». Но... в словах ли здесь дело? Попробуйте «перевести» эти слова на стандартнейший литературный язык:.. «в ячейку всесоюзной коммунистической партии (большевиков) при таком-то заводе», «ученик школы фабрично-заводского ученичества», «фабрично-заводское ученичество», «слово члена коммунистического союза молодежи», «доклад фабричного комитета рабочих и служащих такой-то фабрики», «Российский коммунистический союз молодежи».

Станут ли слова эти понятнее для «обывателя, заснувшего в 1913 году»? Для обывателя, знавшего не «фабрично-заводское ученичество», а «церковно-приходское училище», не «фабричный комитет», а «комитет по делам печати», не «коммунистический союз молодежи», а «союз русского народа»?

Думается, что нет. Все дело в том, что непонятность этих слов — не в области языковых откошений, а в области политических и общественных форм. Как бы ни называть эти новые явления — они останутся непонятными всякому, кто не знает самых явлений. Здесь дело не в новшествах языка, а в новшествах общественной и быта; в изменении предмета, обозначаемого словом, а не слова, как такового¹⁾.

¹⁾ Мы намеренно оставляем в стороне вопрос о формах словообразования этих неологизмов, так как наблюдаемые здесь приемы сокращения слов носят, как кажется, обще-европейский характер, будучи тесно связаны с общим ускорением жизненного темпа (ср. нем. GMBH «гэмбах» и т. д.).

При противопоставлении языка революционной эпохи «литературному» языку довоенного времени обычно имеют в виду, однако, новшества другого типа — новшества, свидетельствующие «о неумелом пользовании» русским литературным языком — языком, который «в течение XIX в. был приспособлен для передачи самых различных, тонких и сложных социальных и индивидуальных явлений».

Прежде всего, насколько правильно определение этих слов как новшеств в языке «русской интеллигенции»? Несколько примеров из наиболее богатой материала книги проф. Селищева ¹⁾.

«Сократить кого-нибудь» в значении «уволить кого-нибудь со службы вследствие сокращения штатов» отнесено проф. Селищевым к числу слов, «изменивших свое значение в связи с обстоятельствами революционного времени».

Пример из русской литературы:

...«Приказных что-то не видно.

— Где бы это они все подевались? — спрашиваю одного старого знакомого.

— А их, отвечает, — сократили, теперь ведь у нас на все благоразумная экономия. Служба — не богадельня.

— Что же, и прекрасно, говорю; пусть себе за другой труд берутся»...

Это — отрывок из Лескова ²⁾, отражающий языковую деятельность «русской интеллигенции» непосредственно после Крымской катастрофы, — в эпоху «либеральных веяний» середины 50-х годов.

Факт в значении «категорически утверждающего слова» отнесен проф. Селищевым «к периоду войны и военного коммунизма».

Опять — пример из русской литературы:

«— Вы работаете над чемнибудь?

Лиза затруднилась ответом.

— Я читаю, — ответила она.

— Я теперь работаю над Прудоном. Он часто завирается и над ним надо работать да работать, а то сейчас загородит вздор. Вы знакомы с Прудоном?

— Только по журнальным рецензиям.

— О? Наша специальность — доведение мысли до состояния непроеводительности. Это факт.

— Ну, не все же пропадает, — возразила Лиза.

— Факт.

— Я, впрочем, не читала Прудона.

— Зайдите ко мне, я вам дам.

Лиза поблагодарила.

— Только работайте над ним, а не берите ничего на веру. У него тоже есть подлая жила.

— У Прудона?

— Факт, зарешила Бартольди...»

И еще:

«— Физиология все это объясняет, — говорит Красин при входе Розанова: — человек одинаково не имеет права насиловать свой организм. Каждое требование природы совершенно в равной степени заслуживает удовлетворения. Функция и ничего более.

— Факт, — подтвердила Бартольди ³⁾

¹⁾ А. М. Селищев. «Язык революционной эпохи». И. 1928 г.

²⁾ «Смех и горе», стр. 81.

³⁾ «Некуда», стр. 97, 125.

Это — карикатурное изображение языковой деятельности нигилистической молодежи 60-х годов в романе «Некуда» того же Лескова.

Отметим, что словечко «факт», типичное для материалистически мыслящей революционной молодежи 60-х годов, отражает именно это мировоззрение с его поисками неискаженной идеалистическими иллюзиями действительности.

Еще несколько примеров.

«Всем хорошо известна теплушка, — говорит проф. Селищев, — товарный вагон, служивший в качестве пассажирского вагона в революционные годы (до 1922 г.). Это название было в употреблении еще во время войны...».

«Русско-японской войны» — прибавим мы... Вот отражение языка военных и железнодорожников той эпохи в записках Вересаева¹⁾.

...«Все требовали мест.

— Устройте нас хоть в теплушку в каком-нибудь проходящем эшелоне!

Помощник коменданта бегал, суетился, ежеминутно звонил в телефон, повел всех на одну платформу, на другую. Человек десять он поместил в вагон четвертого класса, на пятнадцать человек дал теплушку...

...Подождите, господа полчаса тогда определится, пойдет ли сегодня № 11; я вам дам в нем теплушку!

Наконец, в только-что пришедшем эшелоне нашлась теплушка, из которой солдаты сходили на станции. Теплушка была очень грязная и холодная, но нечего делать, спасибо я на том!».

К числу неологизмов революционного времени проф. Селищев относит и слово «смертник» (приговоренный к смерти). Опять неточность — это слово принадлежит к тем жутким неологизмам периода подавления революционного движения 1905 г., когда (говоря словами редактора Далевского словаря) «русская действительность омрачилась позорными мерами», а русский язык обогатился словами, «придуманными для этих мер».

Несколько отрывков из «Бытового явления» Короленко.

«Совсем недавно к депутату Г. обратился Рудольф Г., томящийся в рижской тюрьме уже несколько лет без суда и следствия. Он умоляет добиться для него суда, который так или иначе должен прекратить его физические и нравственные истязания. Как и А., самыми тяжкими из них он считает соседство «смертников». Посадили, — пишет он, — в одиночную — рядом с камерой «смертников». По ночам не спал. В стенку торопливо стучали «смертники»... В ранние утренние часы по коридору раздаются звяканье шпор, шорох... душу раздражающий крик: «прощайте, товарищи!»... На дворе погашают фонари. Смертных ведут на казнь»...

И выше:

«Тут помещаются «смертники».

В том году, к которому относятся наблюдения нашего случайного корреспондента, их перебивало свыше сорока. Это были все, сравнительно, молодые люди; преимущественно рабочие местного крупного железоделательного завода, осужденные по делам об экспроприациях»...

Удивляться ли, что слово некогда тюремного жаргона неизгладимыми чертами запечатлено в памяти и языке поколений революционной интеллигенции?

Итак, отмеченные нами слова отнюдь не неологизмы...

Почему же автор исследования по русскому языку революционной эпохи, исследования не бесспорного с идеологической и методологической

1) «На войне».

точек зрения, включил их в свой список новшеств? Очевидно, потому, что мыслившийся им в качестве основания сравнения стандартный русский язык не включал этих слов.

Действительно. Слова эти засвидетельствованы в произведениях художественных и публицистических, отражающих иные формы высказывания, чем стандартный «литературный» язык научной прозы — формы высказывания в более сниженном тоне (*langage familier*).

В стиле речи сниженной, «разговорной» невозможны часто обороты и слова, сохраняющиеся еще в «письменной» форме высказывания. Смешение этих существенно различных форм высказывания — один из излюбленных приемов комизма у многих русских писателей.

Так, в «Плодах просвещения» Л. Толстой пародирует «медленную певучую речь» интеллигента-профессора, заставляя его говорить «письменным» языком на фоне «разговорной» речи прочих действующих лиц:

«Профессор. ...Измерение температуры и пульс показали трату жизненной энергии. То же будет и при медиумических проявлениях. Закон сохранения энергии...»

Толстая барыня. Да, да. Я только еще хотела сказать, что я очень рада, что простой мужик оказался медиум. Это прекрасно...»

Здесь впечатление письменной речи достигается как благодаря синтаксису, так и благодаря лексике высказывания. Тот же эффект достигается иногда введением одной только письменной лексики:

«С безмерным, величественным негодованием офицер отодвинул от себя список концами пальцев:

«Винovat! Тут функционирует не стачечный комитет!»¹⁾

Обратно: там, где писатель стремится дать сниженный «разговорный» сказ, у него легко могут встретиться обороты, признанные неприемлемыми для стандарта «письменного языка».

Один только пример. К числу «иноязычных элементов, внесенных в русский язык революционными годами», проф Селищев относит идиому «пара» в значении «несколько». Он говорит:

...«Пара» в значении «несколько», — в соответствии немецкому «ein Paar», «ein Paar Jahre» — «несколько лет», «ein Paar Monate» — «несколько месяцев и др. Может быть, распространению сочетаний с «пара» благоприятствовало польское посредство: в польском языке (под немецким влиянием) в обычном употреблении сочетания с пара в значении «несколько» «para godzin» — «несколько часов».

И вот эта-то одиозная идиома встречается (в авторском сказе)... у такого мастера русского стиля, как Лесков:

...«поезд через пару секунд остановился у святых ворот»...²⁾

Отсюда — совершенно ясно: сопоставление «разговорной» речи какой бы то ни было группы носителей современного русского языка с «письменной» речью до-революционной интеллигенции будет методологически неправильно: сопоставлению должны подвергаться лишь равноценные формы высказывания — формы письменной речи с формами письменной же речи, формы устного высказывания с формами устного высказывания.

Мы видели выше, что исследование языка революционной эпохи оперирует как стандартом «русским литературным языком», «языком рядового интеллигента до-военного времени». Характерно при этом, что язык этот мыслится исследователями как единство, как целое, не подлежащее

¹⁾ Вересаев: «На войне».

²⁾ «Владимирский суд».

внутреннему социально-диалектическому дроблению, как язык единой и целостной группы.

Так, проф. Селищев утверждает:

«Резкого расхождения между языком русской интеллигенции до-революционного времени и языком революционных деятелей на русской почве не было»...

И еще детальнее развивает эту мысль автор цитированной нами в начале статьи:

«Для стандартного (или «общерусского») языка до-революционной (и довоенной) эпохи весьма не трудно дать социальную характеристику: это — внетерриториальный язык русской интеллигенции, что в одинаковой мере справедливо и для XIX и для начала XX века».

Проф. Поливанов даже устанавливает — и очень остроумно — ряд фонетических признаков этого языка («уменьше произносить гласные и согласные иностранных слов», например, сочетание «твердый парный согласный + э (е)», среднее *l* в названии ноты *la*, служивших критерием, по которому интеллигент (т.-е. представитель стандартного языка) признавал в говорящем «своего поля ягоду».

Так ли это?

Не трудно доказать, что фонетические признаки, выдвигаемые проф. Поливановым, не характеризуют речи всей той общественной группы, или точнее, того ряда общественных групп, которые принято объединять в понятие «интеллигенция». Это — черта, свойственная лишь «верхним» слоям этой аморфной и расплывчатой группы.

Языковая дифференциация таких групп, как «интеллигенция помещицья» и «интеллигенция разночинная», — явление, неоднократно отмечавшееся уже в XIX в. русской художественной литературой.

«...Я перестал слушать и занялся наблюдениями над моими новыми товарищами. По подразделению людей на *comme il faut* и не *comme il faut* они принадлежали, очевидно, ко второму разряду и вследствие этого возбуждали во мне не только чувство презрения, но и некоторой ненависти... Это чувство возбуждали во мне их ноги и грязные руки с обгрызанными ногтями, и розовые рубашки, и нагрудники, и ругательства, которые они ласкательно обращали друг к другу, и грязная комната, и привычка Зухина беспрестанно немножко сморкаться, прижав одну ноздрю пальцем; и в особенности их манера говорить, употреблять и интонировать некоторые слова. Например, они употребляли слова «глупец» вместо «дурак», «словно» вместо «точно», «великолепно» вместо «прекрасно», «движучи» и т. п., что мне казалось книжно и отвратительно непорядочно. Но еще более возбуждали во мне эту комическую ненависть интонации, которые они делали на некоторые русские и в особенности иностранные слова: они говорили «машина» вместо «машина», «деательность» вместо «деятельность», «нарочно» вместо «нарочно», «в каминё» вместо «в камине», «Шекспир» вместо «Шекспир» и т. д.» (Л. Толстой. «Юность»).

Тургенев в «Отцах и детях» отмечает по поводу слова «принцип»:

«Павел Петрович выговаривал это слово мягко, на французский манер. Аркадий (NB: подражающий речи разночинца Базарова), напротив, произносил «принцип», налегая на первый слог»...

Вполне осознана эта социально-диалектическая дифференциация интеллигенции уже у Лескова в его ядовитом гротеске «Шерамур». Характерно, что, говоря об отсутствии общего языка между привилегированным «литератором» и эмигрантом — люмпеном Шерамуром, автор считает уместным... вспомнить «всю глубину и серьезность так называемого «петровского разрыва».

Надо ли останавливаться на дальнейшем расслоении «интеллигенции» первого десятилетия XX в. и на отражении этого расслоения в ее языке? Перерабатывая «Словарь живого русского языка» Даля¹⁾ проф. Бодуэн-де-Куртене так характеризовал социально-диалектические сдвиги 1905 — 1912 гг.:

...«Вследствие происшедших глубоких потрясений совершились не только быстрые перемены в разных областях жизни и мировоззрения почти всех классов общества, но точно так же быстрые перемены в понимании значения некоторых слов. Если и в обыкновенное мирное время значение слов постоянно меняется и разнообразится, смотря по принадлежности индивидов не только к той или другой местности, но даже к тому или другому сословию, классу общества и даже «партии», — то тем необходимее далеко идущее изменение значения слов в только-что пережитое и еще до сих пор переживаемое «революционное», «контрреволюционное» и вообще крайне анархическое время. У различных враждующих между собой «партий» одни, и те же слова получают различные, иногда диаметрально противоположные значения и вызывают различное настроение...

... Возьмем для примера слова «патриот» и «патриотизм». Сами по себе эти слова весьма почтенные и заслуживающие понимания согласно их первоначальному источнику. Такими они бывали всегда и такими, вероятно, воскреснут в будущем.

Но кто же виноват, если в последнее время эти слова взяты в исключительную аренду известными «партиями» и группами, и получили вследствие этого — впрочем, не только в России, но и в других странах, — разбойничий, погромный и карательный оттенок?»...

Таким образом и вопрос об отсутствии социально-диалектического дробления в языке русской интеллигенции до-военного времени подлежит пересмотру. Только учет всех социальных диалектизмов в так наз. «общерусском» языке даст необходимую перспективу для учета новшеств в русском языке революционной эпохи.

Последняя заметка. Уже проф. Поливанов, опираясь в своем построении на материал современной художественной литературы, считает необходимым оговорить степень его достоверности. Действительно: в речи героев цитируемых им «Комсомольских рассказов» не раз проскальзывают социальные диалектизмы типа: «кампаниев», «для близиру», «кешно» и т. д.

Найти параллели этим диалектизмам нетрудно — в русской художественной литературе, посвященной изображению языка крестьянства и «мещанства». Ср., напр., у Лескова, в качестве характеристики «мещанского говора»: «неприятностей»²⁾, «происшествиев»³⁾, «для близиру»⁴⁾ и т. д., и т. д.

Но именно эта легкость сопоставлений и вызывает серьезные сомнения: мы знаем, что языковое отображение в старой литературе такого, напр., общественного слоя, как крестьянство, страдало значительными условностями. Откуда же такие частые совпадения с ней художественной литературы современности? Нет ли здесь механической литературной традиции, повторения готовых языковых штампов взамен точного отображения живой речи современности? И не следовало ли бы подвергнуть серьезной проверке материалы художественной литературы прежде, чем пользоваться ими как свидетельством о неологизмах языка революционной эпохи?

¹⁾ Предисловие к 4-му изд. М. 1912 г.

²⁾ «Дама и фефела».

³⁾ «Грабеж». Интересны там и слова воровского языка, как «подлет», введенные в «мещанскую» речь.

⁴⁾ «Очарованный странник».